

Мемнон. Флот Дария не оказал помощи Милету, без препятствий был сдан Эфес. Правда, и македонский флот серьезно применили лишь один раз – для блокирования Милета с моря. Примечательно, что корабли использовались Александром не в морских сражениях, а именно в осадных операциях. В скором будущем флот понадобится ему для блокады финикийского Тира (332 г. до н. э.). Первые серьезные столкновения с персами – битва при Гранике, осада Милета, взятие Галикарнаса – при всех своих трудностях, показали македонскому царю слабость Ахеменидского государства и открыли перед Александром реальную возможность дальнейших завоеваний. Твердо уверенный в своих позициях на ионическом побережье, Александр направил свои войска в Ликий и Памфилию, откуда повернул в Центральные области Малой Азии.

Таким образом, Малая Азия явилась своеобразным полигоном, где Александр со своей армией совершенствовал искусство осады городов – полиоркеттику, которая принесла македонскому завоевателю несравненно больше пользы, чем полевые сражения, единственно значимым из которых был Граник.

В самом процессе осады вражеского города или крепости армией Александра Македонского можно выделить следующие моменты:

- 1) первоначально предпринималась попытка захватить город с ходу, приступом, либо с помощью внезапности, либо с помощью измены;
- 2) если город внезапно взять не удавалось, войска брали его в кольцо: обводили стеной, блокировали кораблями городскую гавань;
- 3) штурм укреплений города с помощью осадных машин, приспособлений и подкопов;
- 4) проникновение войск в город, уличные бои, уничтожение защитников;
- 5) разорение города, расправа над его жителями.

Александр Македонский использовал захваченные материальные средства и достижения греческой механики и техники для создания специальных подразделений по широкому применению осадного дела при взятии городов и крепостей. Полиоркеттика занимала важное место в комплексе средств, которые обеспечивали военное и политическое превосходство греко-македонян над персами. Все это способствовало достижению стратегической цели Александра Македонского – созданию мировой державы.

¹ Аппиан. Сирийские дела, 52 // Вестник древней истории. 1946. №4(18). С. 310.

² Витрувий. Десять книг об архитектуре. Кн. 10. М., 1936. С. 209.

³ Арриан. Поход Александра. Кн. 1. СПб., 1993. С. 26.

⁴ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 18.; Квинт Курций Руф. История Александра Македонского, с приложениями сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре Македонском. М., 1993. С. 287.

⁵ Плутарх. Александр, XVII. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963. С. 407.

⁶ Арриан. Указ. соч. С. 34.

⁷ Диодор Сицилийский. Указ. соч. С. 287.

⁸ Арриан. Указ. соч. С. 36.

⁹ Диодор Сицилийский. Указ. соч. С. 289.

¹⁰ Арриан. Указ. соч. С. 37.

¹¹ Плутарх. Указ. соч. С. 402.

¹² Арриан. Указ. соч. С. 39.

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАЛИНИЗМА. ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ

Наука, изучавшая советскую историю и действительность, – советология – прошла период становления как академическая дисциплина в США и Великобритании с конца 1940-х до середины 1960-х гг. Это были годы холод-

ной войны, характеризовавшиеся в государствах Запада открытой враждебностью по отношению к СССР, время торжествующего сталинского режима в Советском Союзе со всеми его крайностями и преступлениями. На рубеже 1940–1950-х гг. сталинизм естественно представлялся главным итогом развития советского общества. Употребление термина «сталинизм» по отношению к общественно-государственной системе и идеологической доктрине СССР стало широко распространенным термином в Соединенных Штатах и Великобритании в конце 1940-х гг. XX ст., после окончания второй мировой войны. В самом общем смысле «сталинизм» для западных исследователей означал метод правления и политику Иосифа Сталина в качестве партийного и государственного лидера с конца 1920-х гг. до 1953 г. и ассоциировался с режимом террора и насилия.

История советологии может быть понята только в контексте современной американской и западноевропейской истории. Немногие академические дисциплины были так тесно связаны с внутренней политической и интеллектуальной жизнью западного общества как изучение Советского Союза. Перед второй мировой войной лишь несколько академических специалистов занималось советской проблематикой. Но появление СССР на международной арене в качестве мировой державы и превращение сталинского режима в основного противника «свободного мира» изменило положение кардинальным образом. После второй мировой войны уже нельзя было только осуждать советский строй, его необходимо было изучать. Противостояние двух социальных систем, к тому же «холодная война» изменили тот образ Советского Союза, который сложился в годы совместной борьбы против фашизма, и сосредоточили внимание общественности на жестких реалиях сталинского режима. Большинство американского общества было едино в неприятии советской действительности. Первые центры советских исследований в США были созданы в Колумбийском и Гарвардском университетах. В Великобритании аналогичный центр был основан в 1949 г. в университете Глазго. Благодаря поддержке государства и частных фондов, к началу 1960-х гг. аналитические центры действовали во многих университетах и колледжах Соединенных Штатов.

«Холодная война» наложила глубокий отпечаток на американское общество, крайним выражением которого стал маккартизм. Профессор Дж. Гэлбрейт говорил, что у американцев долгое время доминировали два страха: один перед коммунизмом, свойственный преимущественно консерваторам, и второй – показаться слишком мягким к коммунизму, особенно одолевающий либералов. В этой ситуации произошло совпадение политических приоритетов и научных интересов, что привело к становлению в странах Запада, прежде всего США, советологии как направления научной мысли, имеющего важное государственное значение. Поддержка со стороны их правительств сделала такое направление научных исследований престижным и обеспечила прочную финансовую и техническую базу для учреждений и соответствующих учебных центров.

Относительная политизация – вполне естественное явление для исторической науки, особенно для специалистов, изучающих новейшую историю. Исследователи не могут работать в «башне из слоновой кости», они анализируют события с определенных нравственных, идейных, а следовательно, и политических позиций. Это не отрицает их научной объективности, стремления искать реальное объяснение процессов и явлений. Конечно, в данном случае речь не идет об исследованиях и публикациях, выполняющих прямой заказ властных структур или определенных политических групп и грубо фальсифицирующих рассматриваемую проблему. Внимание к политизации англо-американской советологии является не стремлением ее морального осуждения, а признанием существовавших реалий, присущих ис-

тории и политологии в целом. Тем более, что она не была уникальным, чисто западным явлением. Например, академик Г. Арбатов, описывая историю создания Института США и Канады, подчеркивал, что замысел состоял в том, чтобы создать центр, занимающийся фундаментальными исследованиями, который не ограничился бы публикациями академических книг и статей, а доводил результаты этих исследований до практических выводов и рекомендаций¹.

Востребованность исследований по советской проблематике, их очевидное практическое значение привлекли в ряды советологов целую плеяду молодых ученых. В период становления советологии на ее характер значительное влияние оказал целый ряд факторов. Во-первых, нехватка местных специалистов по советским проблемам вызвала необходимость широко использовать российских и советских эмигрантов, которые в силу очевидных обстоятельств были слишком политизированными и не всегда могли соблюдать научную объективность. Во-вторых, англо-американские исследователи не в полной мере понимали реалии советского общества и часто переносили оценки и критерии западного развития на советскую почву. Это относилось как к академическим ученым, так и практическим политикам. В-третьих, особенно в начале рассматриваемого периода исследователи в США и Великобритании, в силу закрытости сталинского общества, имели недостаточный доступ к документальному материалу.

Все эти факторы привели к тому, что первоначально западные исследователи сконцентрировали свое внимание на общей характеристике сталинизма, без тщательного анализа его отдельных черт и явлений. Есть основания говорить, что критика сталинизма воспринималась практически всеми исследователями как единый, непрерывный процесс от революции 1917 г. до Сталина и его приемников. **«Теория непрерывности»** была господствующей научной концепцией в англо-американской историографии. Ленинский и сталинский этапы воспринимались практически как единое целое. Даже если авторы указывали на существование отдельных нюансов и различий, вывод, к которому они приходили, был идентичный – сталинизм является единственно возможным итогом Октябрьской революции. Самые серьезные и авторитетные ученые этого времени приходят именно к такому заключению. Так, в сборнике «Преимственность и изменчивость в русском и советском мышлении», выпущенном в Кембридже в 1955 г., Т. Хаммонд пишет, что анализ отношений ленинского периода показывает: хотя советский авторитаризм достигает крайней формы при Сталине, основа его заложена значительно раньше Лениным. А. Улам задается вопросом о том, какая политическая сила помогает Сталину занимать господствующее положение в обществе. И отмечает, что ответ необходимо искать прежде всего в характере большевистской партии в ленинские годы. Подводя итог обсуждению, М. Фейнсуд подчеркивает, что Т. Хаммонд и А. Улам приходят к выводу, с которым он полностью согласен, – хотя советский тоталитаризм достигает крайней формы при Сталине, его основа была заложена Лениным².

Идея непрерывности, почти идентичности советской истории не ограничивается одним периодом времени или одной областью исследования. Она применяется ко всем сторонам жизни советского общества. Авторы исследуют, например, такие проблемы, как культ вождя или массовые репрессии в сталинские годы, и находят им частичное объяснение в ленинских методах политического лидерства и управления партией. Англо-американская литература 1950 – 1960-х гг. дает огромное количество примеров такой точки зрения, ставшей в эти годы почти догматической. Например, Р. Даниэлс отмечает, что сталинская победа была не победой личности, а триумфом символа, человека, который воплотил и правила ленинизма и методы их

осуществления³. А. Мейер пишет, что сталинизм может и должен быть определен как образец мышления и действия, прямо вытекающих из ленинизма⁴. Д. Решетар находит различия между ленинизмом и сталинизмом и считает их достаточно существенными. Ленин заложил основы, которые были развиты Сталиным и логично завершились «большими чистками», т.е. массовыми репрессиями⁵.

Важным фактором, способствовавшим закреплению теории непрерывности в качестве господствующей в англо-американской историографии, стала ее близость к политологической *концепции тоталитаризма*, уже в 1950-е гг. ставшей базовой для западной политической мысли и остававшейся таковой почти в течение 20 лет. Дискуссии, которые возникали при интерпретации советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англо-американской советологии. В рамках рассматриваемого нами вопроса термины «тоталитаризм» и «сталинизм» для сторонников идеи непрерывности практически слились. Тоталитарная школа, вклад которой в советологию, безусловно, заслуживает отдельного подробного анализа, поддерживала идею непрерывности в развитии советского общества и внесла свою весомую лепту в поддержку этой идеи в академических кругах Запада. Теоретик тоталитаризма Х. Арендт в 1967 г. оценивала уверенность в неразрывной преемственности советской истории как господствующую тенденцию западного мышления⁶. Р. Такер отмечал, что должно было пройти длительное время, прежде чем западные историки придут к пониманию необходимости анализировать сталинизм не только как следствие ленинизма, но и как самостоятельное явление⁷.

Однозначность оценок советской истории в англо-американской историографии 1940–1950-х гг. связана также и с господствовавшим в этот период в американском обществе критическим отношением к левому либерализму. Это стало своеобразным обвинительным актом левым интеллектуалам, поддержавшим сталинский вариант построения социализма. В 1930-е гг. многие из них закрывали глаза на репрессивный характер советского режима, пытались в той или иной форме оправдать сталинскую жестокость. В условиях экономической депрессии 1930-х гг. и усиления фашизма сталинизм представлялся им меньшим из зол, а декларируемые достижения Советского Союза вызвали восторженную реакцию. В противовес таким взглядам в послевоенные годы большинство советологов считало необходимым подчеркнуть негативные стороны советской действительности и истории, развенчать тот образ Советского Союза, который пыталась создать официальная советская пропаганда. В академической среде лишь несколько исследователей, среди которых были Э. Карр и И. Дойчер, позволяли себе говорить не только о негативных, но и о положительных, с их точки зрения, моментах советской истории. Большинство ученых поддерживало точку зрения, что во все поворотные моменты советской истории партия большевиков принимала и реализовывала решения, которые не отвечали реальным общественным интересам. Это служило еще одним важным аргументом, поддерживающим концепцию полной преемственности ленинского и сталинского периодов советской истории.

Однако уже в 1960-е гг. безраздельное господство теории непрерывности стало вызывать критические отклики в среде самих западных исследователей. Так Р. Слассер писал, что принятие тезиса о том, что ленинская политика напрямую привела к сталинской, вызвала у многих западных исследователей иллюзию, что проблема исторических корней сталинизма уже решена и больше не требует серьезного анализа⁸. При этом сам сталинизм рассматривался как неизменное явление, без анализа его собственных из-

менений. 1930-е гг. воспринимались как кульминационный момент революционного процесса, когда большевистская, а не только сталинская система приобрела свою логически завершенную форму. Сторонники такой точки зрения сосредоточивали внимание прежде всего на действиях власти, государства, но не общества. Воспринимали официальные идеологические доктрины как идеологию всего населения, не всегда обращали внимание на существенную разницу между официальной пропагандой и реальной жизнью, объясняя все процессы в советском обществе «внутренней тоталитарной логикой».

Сохранение и развитие в послевоенные годы основных черт советской политической системы, сложившейся в период 1930-х гг., укрепляло позиции западных исследователей, считавших правомерным изучать исторический процесс в обратном направлении «от настоящего к прошлому». Например, З. Бжезинский, полемизируя с Р. Такером, говорившем о необходимости изучать советскую историю поэтапно, «слой за слоем», писал в сборнике «Развитие СССР» о том, что иногда прошлое лучше понимается исследованием настоящего и затем определением отношения настоящего к прошлому⁹.

Такой подход к изучению советской истории вызывал возражение у части исследователей, считавших, что концепция тоталитаризма и теория непрерывности в 1960-е гг. оказались в кризисе и не могут ответить на ряд серьезных проблем. Целый ряд ученых, принадлежащих к англо-американской *ревизионистской исторической школе*, в той или иной форме отклоняли тезис о непрерывности. Среди них можно назвать Р. Такера, А. Рабиновича, С. Козна, М. Левина. Эти авторы не соглашались с выводом о безальтернативности развития советского общества, концентрировали внимание в своих исследованиях на переломных моментах в истории СССР и большевистской партии. Они признавали, что элементы преемственности между Октябрьской революцией и сталинизмом существуют, признавали этот факт как сам собой разумеющийся, но предлагали не ограничиваться констатацией общего, находить не только сходства, но и различия в разных периодах советской истории. С их точки зрения самый слабый пункт в концепции непрерывности заключался в неспособности объяснить события, связанные с усилением, а затем и полной победой в послеленинский период именно сталинского направления.

Стивен Козн формулировал проблему в монографии «Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 г.» следующим образом: «Здоровая интеллектуальная жизнь – это постоянный процесс вопросов, скептицизма и ревизионизма. Школа тоталитаризма могла бы играть полезную роль, вызывая критику и конкурирующие интерпретации. Но в течение многих лет поддерживалась единая точка зрения. К началу 1960-х гг. сложилась стандартная версия советской истории и политики, в которой были поставлены все вопросы и найдены все ответы»¹⁰.

В 1960-е гг. на англо-американскую советологию серьезное влияние оказало и изменение международной ситуации. Постепенное затухание «холодной войны» частично лишало специалистов, изучающих Советский Союз, привычных интеллектуальных позиций. Советское общество менялось, необходимость оценки перемен внутри СССР и на международной арене становилась важнейшей научной и практической задачей. Именно анализ глубины и серьезности послесталинской трансформации вызвал появление новых концепций и взглядов в среде западных историков и показал необходимость переосмысливания многих устоявшихся оценок. Для понимания советского настоящего необходимо было вернуться к оценке ключевых моментов прошлого. Проблема сталинизма вновь оказалась в центре внимания англо-американской историографии. Имея возможность исполь-

зовать созданную к этому времени научную базу, историки расширили круг источников, значительно обновили тематику исследований и сделали шаг к новому, более глубокому пониманию сталинизма как явления советской и мировой истории.

¹ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991. С. 382.

² Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge, Mass. 1955. P. 145, 160, 175.

³ Daniels, Robert. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass. 1960. P. 403.

⁴ Meyer, Alfred. Leninism. Cambridge, Mass. 1957. P. 282.

⁵ Reshetar, John Jr. A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964 P. 217–219.

⁶ Arendt, Hannah. Comment on Ulam Adam 'The Uses of Revolution' // Pipes, Richard, ed. Revolutionary Russia. P.345.

⁷ Tucker, Robert. Revolution from Above. // Tucker, Robert, ed. Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977. P. 77.

⁸ Slusser Robert. A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // American Historical Review. 1972. December. P. 1393.

⁹ Treadgold, Donald W., ed. The Development of the USSR. Seattle, Wash., 1964. P. 40.

¹⁰ Cohen, Stephen. Rethinking the Soviet Experience. Politics & History Since 1917. Oxford, 1985. P. 7.

